

Научная статья

УДК 811.111

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХЕДЖИРОВАНИЯ В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Михалева Елена Игоревна¹

Пушнина Ирина Владимировна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ Mihalevaei@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2657-9965>

² PushkinaIV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5785-8812>

Аннотация. В статье исследуется функциональная лингвопрагматика хеджирования в публичных выступлениях британских ученых. Выявляются характерные коммуникативные стратегии речевого отгораживания, приемы реализации хеджей на лексико-грамматическом и фонетическом уровнях.

Ключевые слова: хеджирование; негативная вежливость; академический дискурс; лингвопрагматика.

Для цитирования: Михалева Е. И., Пушнина И. В. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе. *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 45 (1): 113–124. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12

Original article

PRAGMATIC USE OF HEDGING IN ACADEMIC DISCOURSE

Elena I. Mikhaleva¹

Irina V. Pushinina²

^{1,2} Institute of Foreign Languages, Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ Mihalevaei@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2657-9965>

² PushkinaIV@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5785-8812>

Abstract. The paper focuses on functional linguopragmatics of hedging in public speeches by British scientists. The characteristic communicative strategies of distancing are identified, the linguistic means of implementing hedges at the lexico-grammatical and phonetic levels are analyzed.

Keywords: hedging; negative politeness; academic discourse; linguopragmatics.

For citation: Mikhaleva E. I., Pushinina I. V. Pragmatic use of hedging in academic discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2022; 45 (1): 113–124. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.12 (In Russ.).

Современное профессиональное общение характеризуется расширением международных контактов, происходит интеграция отечественных научных школ в мировое академическое сообщество. Ассоциации, научные школы, объединяя специалистов из разных точек мира — представителей различных языков и культур, регулярно осуществляют обмен последними достижениями как в очном, так и в дистанционном формате, чему способствовало активное развитие информационных технологий.

Актуальность исследования определяется тем, что в связи с возрастающей академической мобильностью все больше внимания уделяется участию преподавателей университетов в международных проектах, конференциях, вебинарах и семинарах, высоко оцениваются публикации в рецензируемых зарубежных научных журналах, выступления на международных конференциях на английском языке. Для успешного межкультурного взаимодействия в академической среде представляется необходимым обладать знанием определенных коммуникативных стратегий. В этой связи несомненную значимость имеют работы, раскрывающие тонкости организации научного текста [1].

Профессиональное общение на международном уровне в языковом плане подчиняется определенным требованиям. Так, реализация «категории диалогичности, обеспечивающей интерактивность и солидаризацию с научным сообществом» [2, с. 340], поможет достичь взаимопонимания участников межкультурной коммуникации, будет способствовать ее продуктивности. Диалогичность как один из маркеров академического дискурса понимается учеными как эффективное взаимодействие между участниками коммуникативного процесса, реализуемого эксплицитными и имплицитными способами [3; 4; 5, с. 99].

В то же время идея «равностатусности коммуникации» на профессиональном уровне представляет собой идеальную модель коммуникации, однако в реальном взаимодействии участников дискурса с разным уровнем владения языком проявляется «субъективная неравностатусность». По мнению Н. В. Барышникова, результативность коммуникации достижима благодаря осознанию и преодолению барьеров, «поведенческих, культурологических, политических, идеологических, которые препятствуют межкультурному диалогу профессионалов» [6, с.179].

Для настоящей работы важным является то, что академический дискурс выступает как «контекстуально и ситуативно обусловленный процесс порождения и восприятия связного и целостного речевого произведения, продуктом которого является само это произведение, т. е. текст» [7, с. 14]. Следует также отметить, что в ходе рассмотрения академического дискурса как лингвистического объекта для изучения интерес представляют и экстралингвистические факторы, обуславливающие коммуникативное поведение его участников.

Так, особые сложности выбора и применения дискурсивных стратегий (хеджирования) говорящими возникают при ведении академического диалога

на иностранном языке. Результаты исследований англоязычных материалов международных конференций показывают, что, несмотря на адекватный уровень владения английским языком, многие российские участники игнорируют лингвистические средства хеджирования, что приводит к категоричной манере изложения и зачастую воспринимается аудиторией как слишком официальное обращение. Подобное стереотипное впечатление основывается «на недопустимом переносе норм с одной культуры на другую» [8, с. 141].

Использование приемов хеджирования в речи представляет собой специфическую особенность общения представителей британской лингвокультуры. Некоторые исследователи маркеров речевого отгораживания объясняют природу их использования социо- и лингвокультурными аспектами. Так, демократизация языка, а также концепт *privacy* — личная автономия, «ненавязывание» своей точки зрения — экстралингвистические факторы, влияющие на употребление данных языковых средств в речи [9, с. 55]. Ценность неприкосновенности личности находит свое отражение в наборе из конвенциональных стратегий (в терминологии американских социолингвистов П. Браун и С. Левинсона). В рамках теории речевых актов и концепта негативной вежливости британцы поддерживают определенную социальную дистанцию во время коммуникации, создавая коммуникативные барьеры и деперсонифицируя высказывания. Кроме того, в речи соблюдаются максимы скромности и неконфликтности [10, с. 130]. Коммуникативная задача воздействия заключается в неимпозитивном стиле поведения, для которого типично снижение категоричности, прямолинейности высказывания, смягчение фактов и степени достоверности сообщаемого в предлагаемой фактической интерпретации информации автором. В данной теории основной акцент делается на стратегии сохранения имиджа говорящего.

Однако ряд ученых [8; 11 и др.] отмечает несовершенство рассматриваемой теории, указывая на то, что с позиции универсальности и конвенциональности ее стратегий для разных культур лингвисты базируются на анализе взаимодействия «эталонного оратора и слушателя» — «идеальных» носителей языка, преимущественно представителей англо-американской и европейских культур, при этом не учитывая особенности других национальных культур, а также многие экстралингвистические факторы, формирующие языковые закономерности — такие индивидуальные особенности коммуникантов, как пол, возраст, уровень образования, социальный класс, влияющие на речь. Авторы полагают, что способы реализации концепта вежливости и его интерпретация также зависят от типа дискурса и невербально-просодической реализации интенций говорящего в конкретном социальном взаимодействии [8, с. 144; 11, с. 75].

В поддержку данного утверждения говорят результаты проведенного нами исследования. Для проверки гипотезы о том, что в речи не-носителей английского языка использование хеджей будет сведено к минимуму или будет полностью отсутствовать, мы проанализировали доклады зарубежных ученых (более семи часов звукозаписей) — представителей стран, входящих в расширяющийся

круг по классификации Б. Качру, для которых английский язык является иностранным. Мы отметили субъективную неравностатусность иноязычного общения, которое в большей степени представляет собой перенос типичных для той или иной культуры стратегий индивидуального речевого поведения в рамках публичного выступления.

С другой стороны, анализ популярных в настоящее время жанров стендап-комедии и ток-шоу позволяет нам частично не согласиться с критикой теории вежливости. Результаты исследования массмедийного дискурса показали, что аналоговость шоу, клишированность формата и прагматика публичных выступлений стандартизируют речевое поведение участников — представителей разных культур, цель которых — развлечь аудиторию, донести свои юмористические пассажи до слушателя максимально четко, неразмыто. В связи с этим в монологах, построенных по единому образцу, превалируют краткие эмоционально-выразительные предложения, а фонетические средства позволяют воздействовать на слушателя, манипулируя его вниманием и реакцией [12]. Таким образом, стилистика жанра диктует универсальность речевого поведения участников данного дискурса.

Хеджирование представляет собой прагматическую стратегию и «является универсальным дискурсивным маркером, который характеризует научный текст, его смысловую нагрузку» [13, с. 114]. Данная риторическая стратегия, «выступая в качестве функциональных элементов управления дискурсом, создающих в глобальном текстовом отношении его связность» [14: с. 34], реализуется с помощью ряда стилистических, лексических, грамматических и фонетических приемов. В лингвистических исследованиях представлены различные трактовки терминов «хеджирование» и «хедж». Данной проблематикой занимались П. Браун и С. Левинсон [10], Дж. Лакофф [15], К. Хайленд [16], Э. Хинкель [17], Р. Картер и М. МакКарти [18] и многие другие. Отправной точкой для многих последующих исследований послужили работы Дж. Лакоффа. Автор определяет хеджи как слова, имплицитно выражающие смыслы, завуалированно реализующие интенции, делая сообщение в той или иной степени нечетким [15, с. 471]. Это подтверждает идею о том, что «дискурсивные маркеры могут... выступать в качестве вспомогательного прагматического средства, модифицируя иллокутивную силу высказывания» [19, с. 11]. Посредством применения стратегии хеджирования говорящий может продемонстрировать свою дистанцированность от объекта высказывания, смягчить резкость отрицательно коннотатированных слов, минимизировать прямое коммуникативное воздействие на реципиента. При этом без хеджирования сообщение на английском языке может звучать чрезмерно эмоционально или расцениваться как невежливое и даже агрессивное. В данной работе мы следуем за Е. А. Мусиенко, которая, ссылаясь на исследование С. Н. Кишко, определяет хеджи «как иллокутивные показатели реализации говорящим коммуникативной интенции модерации (т. е. придания высказыванию более сдержанного,

умеренного характера), объединяющие функциональный класс лексических, лексико-грамматических и синтаксических единиц языка» [20, с. 1].

Особый интерес представляет изучение характерных коммуникативных стратегий и функциональной прагматики хеджей в научных докладах британских ученых. Материалом для проведенного исследования послужили пленарные выступления британских ученых на международных научных конференциях, проводимых офлайн, что является одним из ключевых критериев отбора материала, поскольку фактор «слушатель – аудитория», т. е. наличие коллективного адресата, важен для функционально-прагматической реализации хеджирования в рамках теории лингвистической вежливости. В настоящем исследовании за основу взята теория П. Браун и С. Левинсона, поскольку она позволяет проанализировать функциональную прагматику использования хеджей и способы их оформления в речи носителей английского языка. В статье авторы используют термин Т. В. Лариной «вежливость дистанцирования» (*negative politeness*, по П. Браун и С. Левинсону [10]), и называя способы реализации негативной вежливости «стратегиями вежливости дистанцирования» [21, с. 172].

Корпус исследования составила звучащая речь продолжительностью более шести часов. Все конференции посвящены исследованиям в области корпусной лингвистики и литературоведения.

Рассмотрим функции хеджей и средства их выражения, исходя из стратегий вежливости дистанцирования (типологии стратегий, по Р. Ратмайр [8, с. 144]; Т. В. Лариной [21, с. 173]).

- *Конвенциональная косвенность*

В академическом дискурсе данная стратегия может реализоваться при помощи использования различных типов расщепленных предложений и безличных конструкций с глаголом в страдательном залоге (см., например, [18, с. 283]). Как металингвистические средства расщепленные предложения помогают организовывать, интерпретировать и оценивать представляемую информацию и в то же время деперсонифицируют изложенные данные. Например:

What that [software] did was to take 800000 texts from the Guardian newspaper and work out the key words of them.

On the other hand, **it's said to be** sneaky because it conceals the agent.

Расщепленные предложения, как правило, не меняют в информационном потоке расположение темы и ремы. Однако особая структура предложения позволяет адресату сфокусировать свое внимание на новой выделенной информации, расположенной в компоненте расщепления, которая представлена в основном в начале высказывания.

In my experience **what happens is** the Sun newspaper and the Daily Mail send the stuff off to Lexis Nexis.

It was Peter's position that I found most interesting.

Важную роль расщепленные предложения играют «для логического выстраивания текста, переходов от одной мысли к другой, а также предвосхищения последующего сообщения, подготовки читателя» [22, с. 138].

So **what is needed is ... what we have is** the wording and **what we assume is** that they contain relevant phrases.

What I'm going to propose here though is that previous work on corpus data can be put into service to identify constructions.

С одной стороны, расщепленные предложения замедляют скорость передачи информации, реорганизуя ее таким образом, чтобы облегчить декодирование сообщения. С другой стороны, они являются trampolines для введения последующей важной информации. Благодаря такому синтаксическому преобразованию автор понижает категоричность высказывания, при этом интерпретация фактов в предложении приобретает значение объективной, а не субъективной модальности.

- *Преуменьшение в интересах адресата*

Средства отгораживания в публичных выступлениях активно используются с целью намеренного снижения статуса докладчика, соблюдения скромности, редуцирования собственного Я говорящего, несмотря на реальный социальный статус. Преуменьшение значимости сообщаемой информации, недоговоренность также частотны в начале докладов выступающих на пленарной секции. Лингвистическая реализация интенций говорящего в рамках данной стратегии осуществляется при помощи хедж-аппроксиматоров (a little bit, somewhat, really, sort of) и хедж-щитов (I think, I guess, modal verbs, tags и др.)¹. Приведем ряд примеров:

I **must** admit I'm beginning to feel **a little bit like** a dinosaur in the world of Corpus linguistics.

It **looks as though** I'm going to say 5 important things but actually there are only 2 main takeaway notes.

One is that I **think** the statistical manipulation of corpora is the new corpus driven...

В вышеприведенных примерах смягчается категоричность утверждения посредством использования различных хеджей, в ходе чего осуществляется субъективизация высказывания, при которой говорящий избегает абсолютизации суждения.

Дистанцирование проявляется в использовании хеджей для выражения уступки, смягчения и различных модальных оттенков высказывания. Например:

It **isn't a particularly** new trend, of course, **but perhaps** worth commenting on.

Again I **know** I've got a very broad audience here in terms of how specialized people are in Maths and Statistics so for some of you this will be new and for some of you this will be a ridiculous oversimplification, to the latter group I **apologize**.

¹ Термины, предложенные Э. Принс, в качестве подклассов хеджинга [23].

- *Выражение неуверенности, осторожные формулировки*

Хеджами считаются любые лингвистические единицы, которые выражают неуверенность автора в утверждении, пропозиции. При этом информация воспринимается уже не как факт, а как мнение. Они также повышают вежливость и социальную приемственность, что способствует минимизации коммуникативных неудач, бесконфликтности коммуникации. Например:

This is going to be **quite a** casual talk which is a polite way of saying you **may** not learn anything very new.

...which is **quite an** extreme position to take.

Частотным также является наличие модальных глаголов и условных предложений с семантикой отгораживания, реализующих стратегию вежливого пессимизма.

Now **if you think about** texts in general they seem to mostly relate to a clear field of knowledge **as you may say**...

But it's a... **if you might say**... a very loosely defined topic.

Two questions, **if I may**, very practical questions.

These are, **if you like**, in the case of climate.

Анализ корпуса исследования показывает, что дискурсивные маркеры в научном стиле речи служат для снижения формальной тональности в британской лингвокультуре, а также позволяют осторожно формулировать собственную позицию. Так, О. Н. Путина пишет о 12 разрядах *sort of*, один из которых — хеджи [19, с. 14]. В следующих примерах *sort of* и его синоним *kind of* функционируют как маркеры отгораживания, хедж-маркеры, реализуя коммуникативную стратегию снижения категоричности утверждений, значимости выводов, смягчения категоричности при интерпретации фактов.

I had **a sort of** an inside way of getting hold of Guardian text which was in those days **pretty well impossible** to achieve otherwise.

And because people in London were considered to be, **you know**, very **kind of**, socially attractive and so on... And we want to **sort of** be like that.

People recommend **kind of** standard numbers. And here I've got **some sort of** indication.

So for example, when we're interviewing people, are there strategies to avoid **kind of** discrimination, due to a person's accent **kind of** on the one hand?

I think you can see that over the years there's been **a sort of** upward trend in articles that refer to corpus.

Показательным для всех проанализированных публичных выступлений является одновременное использование в одном предложении множественности средств хеджирования, ср.:

I think in the British press **what actually happens is** that people are joking and there's **a kind of, some sort of** punning references often made.

I was kind of getting **a sense of a bit of** Wittgenstein **but also a bit of kind of** formal linguistics, so I was **like** is this philosophy of semantics **or something like that**...

Было выявлено, что на интонационном уровне отмечается однотипное оформление хеджей. Малая вариативность просодических характеристик зависит от класса сложности структуры и ее положения во фразе. Так, хедж-аппроксиматоры (*kind of, sort of, a bit*) проявляют просодическую несамостоятельность. Данные единицы произносятся безударно, не образуя самостоятельную интонационную группу, находясь в пре- или постпозиции по отношению к термину или важной части сообщения. Хедж-щиты (*I think, I admit*) или составные ограничители, однако, образуют самостоятельную синтагму и употребляются как в начале, так и в середине предложения. В начале предложения используется нисходящий тон на глаголе, смещая акцент с объекта, дистанцируясь от оценки ситуации, снижая прямолинейность утверждения. Использование хеджей в середине фразы осуществляется либо с целью пояснения основной мысли, либо продолжения предыдущей смысловой группы. В этом случае частотно безударное произношение с ускорением темпа и частичным понижением высоты тона. Анализ примеров также показал, что модальные наречия принимают на себя фразовое ударение, выражаемое простым нисходящим ядерным тоном. Расщепленные предложения оформляются с помощью сложного нисходяще-восходящего тона. В финальной позиции отмечены хвостовые хеджи (*the tags*) с низким восходящим тоном на последнем слове фразы.

Подводя итог проведенному анализу пленарных выступлений британских ученых в рамках стратегии хеджирования можно утверждать, что высказывания могут принимать разную форму реализации в зависимости от интенций говорящего.

Современная тенденция к снижению формальности академического дискурса, с одной стороны, противоречит сложившимся характеристикам институционального типа общения, требующего от ученого ясной и однозначной передачи профессиональных знаний, с другой стороны, интерперсональное взаимодействие в рамках публичных выступлений достигается с помощью хеджирования. Результаты исследования показали, что степень формальности выступления зависит от уровня владения английским языком. Так, в речи носителей английского языка отмечено максимальное использование хеджирования для снижения прямоты и категоричности высказывания, а также реализации стратегии интеракциональности, что придает неформальный тон выступлению. В то время как ненативные носители, для которых английский язык выступает как язык-посредник в межкультурном диалоге, не используют хеджи в своих докладах, их устное выступление лишено лингвистических средств хеджирования и приближено к академическому письму.

Выявленные общие просодические характеристики хеджей позволяют утверждать, что просодия в оформлении лингвистических средств хеджирования выступает одним из вспомогательных прагматических элементов выражения стратегии дистанцирования. Роль контактоустанавливающих и связующих средств в большей степени отводится лексико-грамматическим способам.

Таким образом, хеджирование в академическом дискурсе является средством эффективного взаимодействия с аудиторией, помогающим говорящему реализовать свое намерение, не нарушая при этом коммуникативные границы и сохраняя гармоничные межличностные отношения. Грамотное владение средствами хеджирования в дискурсе дает автору преимущество над теми, кто категоричен в своих высказываниях. Отметим также, что овладение стратегией хеджирования как важным аспектом британского стиля коммуникации и ресурс профессионального иноязычного общения способствуют формированию профессиональных компетенций выпускников вузов как специалистов в области межкультурной коммуникации.

Список источников

1. Гринев С. В. Введение в лингвистику текста: учеб. пособие. М.: Моск. пед. ун-т; 2000. 60 с.
2. Чекмаева Н. А. Диалог с другим в академическом дискурсе. В *многомерном пространстве современной лингвистики*: сборник работ молодых ученых / под общ. ред. О. А. Сулеймановой. М.: Языки Народов Мира; 2019: 334–342.
3. Сулейманова О. А. Диалог с Другим в академическом дискурсе. *Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик*: материалы Первой международной конференции (Москва, 14–16 апреля 2016 г.) / под общ. ред. Е. Г. Таревой, Л. Г. Викуловой. М.: Языки Народов Мира; 2016: 539–547.
4. Чернова В. Е. Диалог в устном академическом дискурсе. *Эпоха науки*. 2018; (16): 313–318. DOI 10.24411/2409-3203-2018-116878
5. Фомина М. А. Маркеры адресанта в научном диалоге. *Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста*. 2017; 10 (2): 96–103.
6. Барышников Н. В. Профессиональная межкультурная коммуникация с акцентом. *Язык и культура*. 2020; (49): 175–185. DOI 10.17223/19996195/49/11
7. Мартынова А. Г. Обучение академическому письменному дискурсу в жанре экспозиторного эссе: дис. ... канд. пед. наук.: 13.00.02. Омск; 2006. 207 с.
8. Ратмайр Р. Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М.: Языки славянской культуры; 2013. 456 с. (Studia philologica).
9. Катина Н. А. Роль просодии в реализации дискурсивных маркеров речевого отгораживания (на материале британских лекций): дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.04. М.; 2014. 162 с.
10. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. 2nd ed. Cambridge; 1987. 360 p.
11. Alabdali T. S. Revisiting Brown and Levinson's politeness theory: A Middle-Eastern perspective. *Bulletin of Advanced English Studies*. 2019; 2 (2): 73–78. DOI: 10.31559/baes2019.2.2.3
12. Ivanova Y. E., Mikhaleva E. I., Efimenko T. N. Internationalization of stand-up comedians' speech behaviour: Loss of national identity? *European proceedings of Social and Behavioural Sciences*. London: European Publisher; 2020: 293–305. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.03.31
13. Марюхин А. П. Явление «hedging» в научном дискурсе. *Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2010; 5 (1): 113–117.

14. Вишневская Г. М., Загороднова О. А. Особенности функционирования дискурсивных маркеров в научном и официально-деловом стилях речи. *Теория и практика иностранного языка в высшей школе*. 2015; (11): 33–41.
15. Lakoff G. Hedges: A Study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 1973; (2): 458–508.
16. Hyland K. Boosting, hedging and the negotiation of academic knowledge. *Text & Talk*. 1998; 18 (3): 349–382. DOI: 10.1515/text.1.1998.18.3.349
17. Hinkel E. Teaching academic ESL writing: Practical techniques in vocabulary and grammar. Mahwah, NJ; London: Lawrence Erlbaum Associates; 2004. 374 p.
18. Carter R., McCarthy M. Cambridge grammar of English: A comprehensive guide. Spoken and written English. Grammar and usage. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. 974 p.
19. Путина О. Н. Функционирование дискурсивных маркеров в диалогическом единстве *вопрос – ответ* (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Пермь; 2021. 24 с.
20. Мусиенко Е. А. К проблеме средств выражения неуверенности в современном английском языке. *Электронный архив Сумского университета*. URL: <http://ru.essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/25550/1/Musienko.pdf> (дата обращения: 06.12.2021).
21. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси; 2009. 512 с.
22. Пушнина И. В. Расщепленные предложения как средство выдвижения в англоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.04. М.; 2009. 206 с.
23. Prince E. F., Frader J., Bosk C. On hedging in physician-physician discourse. *Linguistics and the professions*. 8 / ed. by R. J. di Pietro. Norwood NJ: Albex Publishing Corporation; 1982: 83–97.

References

1. Grinev S. V. Vvedenie v lingvistiku teksta: ucheb. posobie. M.: Mosk. ped. un-t; 2000. 60 p. (In Russ.).
2. Chekmaeva N. A. Dialog s drugim v akademicheskom diskurse. *V mnogomernom prostranstve sovremennoj lingvistiki: sbornik rabot molody'x ucheny'x / pod obshh. red. O. A. Sulejmanovoj*. M.: Yazy'ki Narodov Mira; 2019: 334–342. (In Russ.).
3. Sulejmanova O. A. Dialog s Drugim v akademicheskom diskurse. *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: v poiskax peredovy'x sociogumanitarny'x praktik: materialy' Pervoj mezhdunarodnoj konferencii* (Moskva, 14–16 aprelya 2016 g.) / pod obshh. red. E. G. Tarevoj, L. G. Vikulovoj. M.: Yazy'ki Narodov Mira; 2016: 539–547. (In Russ.).
4. Chernova V. E. Dialog v ustnom akademicheskom diskurse. *E'poxa nauki*. 2018; (16): 313–318. DOI 10.24411/2409-3203-2018-116878. (In Russ.).
5. Fomina M. A. Markery' adresanta v nauchnom dialoge. *Lingvokul'turnoe obrazovanie v sisteme vuzovskoj podgotovki specialista*. 2017; 10 (2): 96–103. (In Russ.).
6. Bary'shnikov N. V. Professional'naya mezhkul'turnaya kommunikaciya s akcentom. *Yazy'k i kul'tura*. 2020; (49): 175–185. DOI 10.17223/19996195/49/11. (In Russ.).
7. Marty'nova A. G. Obuchenie akademicheskomu pis'mennomu diskursu v zhanre e'kspozitornogo e'sse: dis. ... kand. ped. nauk.: 13.00.02. Omsk; 2006. 207 p. (In Russ.).

8. Ratmajr R. Russkaya rech' i ry' nok: Tradicii i innovacii v delovom i povsednevnom obshhenii. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury'; 2013. 456 p. (Studia philologica). (In Russ.).
9. Katina N. A. Rol' prosodii v realizacii diskursivny'x markerov rechevogo otgo-razhivaniya (na materiale britanskix lekcij): dis. ... kand. filol. nauk.: 10.02.04. M.; 2014. 162 p. (In Russ.).
10. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. 2nd ed. Cambridge; 1987. 360 p.
11. Alabdali T. S. Revisiting Brown and Levinson's politeness theory: A Middle-Eastern perspective. *Bulletin of Advanced English Studies*. 2019; 2 (2): 73–78. DOI: 10.31559/baes2019.2.2.3
12. Ivanova Y. E., Mikhaleva E. I., Efimenko T. N. Internationalization of stand-up comedians' speech behaviour: Loss of national identity? *European proceedings of Social and Behavioural Sciences*. London: European Publisher; 2020: 293–305. DOI: 10.15405/epsbs.2020.11.03.31
13. Maryuxin A. P. Yavlenie «hedging» v nauchnom diskurse. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2010; 5 (1): 113–117. (In Russ.).
14. Vishnevskaya G. M., Zagorodnova O. A. Osobennosti funkcionirovaniya diskursivny'x markerov v nauchnom i oficial'no-delovom stilyax rechi. *Teoriya i praktika inostrannogo yazy'ka v vy'sshej shkole*. 2015; (11): 33–41. (In Russ.).
15. Lakoff G. Hedges: A Study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts. *Journal of Philosophical Logic*. 1973; (2): 458–508.
16. Hyland K. Boosting, hedging and the negotiation of academic knowledge. *Text & Talk*. 1998; 18 (3): 349–382. DOI: 10.1515/text.1.1998.18.3.349
17. Hinkel E. Teaching academic ESL writing: Practical techniques in vocabulary and grammar. Mahwah, NJ; London: Lawrence Erlbaum Associates; 2004. 374 p.
18. Carter R., McCarthy M. Cambridge grammar of English: A comprehensive guide. Spoken and written English. Grammar and usage. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. 974 p.
19. Putina O. N. Funkcionirovanie diskursivny'x markerov v dialogicheskom edinstve vopros – otvet (na materiale russkogo i anglijskogo yazy'kov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Perm'; 2021. 24 p. (In Russ.).
20. Musienko E. A. K probleme sredstv vy'razheniya neuverennosti v sovremennom anglijskom yazy'ke. *E'lektronny'j arxiv Sumskogo universiteta*. URL: <http://ru.essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/25550/1/Musienko.pdf> (data obrashheniya: 06.12.2021). (In Russ.).
21. Larina T. V. Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul'turny'x tradicij. M.: Rukopisny'e pamyatniki Drevnej Rusi; 2009. 512 p. (In Russ.).
22. Pushinina I. V. Rasshheplenny'e predlozheniya kak sredstvo vy'dvizheniya v anglo-yazy'chnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk.: 10.02.04. M.; 2009. 206 p. (In Russ.).
23. Prince E. F., Frader J., Bosk C. On hedging in physician-physician discourse. *Linguistics and the professions*. 8 / ed. by R. J. di Pietro. Norwood NJ: Albex Publishing Corporation; 1982: 83–97.

Информация об авторах

Елена Игоревна Михалева — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации ИИЯ МГПУ.

Ирина Владимировна Пушинина — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

Information about the authors

Elena I. Mikhaleva — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of methodology of teaching English language and business communication, Institute of Foreign Languages, MCU.

Irina V. Pushinina — PhD (Philology), Associate Professor at the English philology Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Вклад авторов:

Михалева Е. И. — сбор, анализ материала; обработка материала; написание исходного текста; итоговые выводы.

Пушинина И. В. — разработка концепции исследования; доработка текста; итоговые выводы.

Оба авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

Elena I. Mihaleva — material collection; material processing; writing the draft; methodology development; follow-on revision of the text; final conclusions.

Irina V. Pushinina — research concept; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.